Сергеенкова, В. В. Проблема терроризма в теории и практике российского революционного движения / В. В. Сергеенкова // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 4 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2009. — С. 309–316.

В. В. СЕРГЕЕНКОВА

ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Проблема терроризма волнует современный мир. Это явление имеет глубокие корни во многих странах мира, в том числе и в России. При некоторой схожести терроризма XIX — начала XX в. с терроризмом наших дней у них скорее больше отличного, нежели общего. Тактика и методы, которые использовали революционеры в борьбе с императорской властью, позволяют задуматься об оправданности насильственных форм сопротивления любому государственному режиму, об эффективности мирных способов воздействия на социально-политическую жизнь. Опубликовано множество работ, посвященных тем или иным аспектам революционного движения в России, в которых в той или иной степени затрагивалась проблема революционного терроризма. Вместе с тем история революционного терроризма, как самостоятельная проблема, стала рассматриваться совсем недавно, с середины 1990-х гг. Говоря о терроризме, о его проявлениях в русском освободительном движении, необходимо разобраться в самом термине «терроризм». Существует целый ряд трудностей, связанных с разработкой данного термина. Главным объективным препятствием, по мнению многих ученых, является многозначность явлений, которые охватывает терроризм. Уже имеется около двухсот определений терроризма. Каждое акцентирует внимание на той или иной стороне этого явления, раскрывает какую-то особенность, черту [1]. Выработать универсальное определение терроризма невероятно сложно. Применительно к нашей проблеме терроризм — это термин, используемый для описания метода или теории, обосновывающей метод, посредством которого организованная группа или партия стремится достичь провозглашенных ею целей главным образом с использованием насилия.

Начало террористическим идеям в России было положено студентом Московского университета П. А. Зайчневским, автором получившей большую известность в обществе прокламации «Молодая Россия». Главная и самая страшная мысль данной прокламации состоит в том, что автор впервые в России открыто признал убийство нормальным средством достижения пусть даже и самых благородных целей. Для Зайчневского террор — средство убрать с дороги «императорскую партию».

Зайчневского нельзя назвать сторонником индивидуального террора. Но именно им сформулирована идея, воодушевлявшая тысячи русских революционеров на убийства и самопожертвование. Уже у Зайчневского, пока еще в теории, проявилось то, что много позже в своей практике будут использовать эсеры — стремление уничтожать всех, кто имеет хотя бы косвенное отношение к «вражескому» лагерю [2]

Конкретные очертания идея цареубийства стала принимать в организации Н. А. Ишутина — И. А. Худякова. Давая после своего ареста показания, Ишутин говорил о том, что цареубийство планировалось в случае, если правительство откажется по требованию революционеров «устроить государство на социалистических началах». Непосредственно подготовкой цареубийства должны были заниматься члены организации с названием «Ад». Каждый член «Ада» должен был «жертвовать жизнью других, тормозящих дело, мешающих своим влиянием». Члены «Ада» должны были «находиться во всех губерниях и должны знать о настроении крестьян и лиц», которыми «крестьяне недовольны, убивать или отравлять таких лиц, а потом печатать прокламации с объяснением, за что убито лицо» [3]. Таким образом, можно говорить о том, что уже «ишутинцы» подумывали о систематическом терроре.

Поворотной точкой в генезисе российского терроризма можно считать выстрел Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 г. Можно сказать, что покушение на Александра II открыло эпоху терроризма в России. Если до этого звучали лишь слова и прокламации, то с выстрелом Каракозова терроризм становится реальностью и неотъемлемой частью российского революционного движения.

Русская революционная интеллигенция весьма остро и по-разному отреагировала на события 1866 г. Вставал вопрос о допустимости террора как средства революционной борьбы. По этому поводу в конце 60-х гг. развернулась острая полемика между М. А. Бакуниным, А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Огарев обратился к взлелеянной им и А. И. Герценом идее о декабристах. «Наши декабристы, — утверждал Огарев, — так же собирались использовать «террор» «во имя нового, народного общественного строя… Террор, предполагавшийся декабристами, был беспощаден; пути его сообразно с духом времени были пути исключительно военные. Почему же тебе их пути не казались страшными? А как скоро эти пути переходят в террор крестьянский и работничий — они тебе кажутся страшными?» [4].

Таким образом, к исходу 1860-х гг. «террор» был очередной раз «реабилитирован» в России стараниями тех же социалистов, что ранее от-

рекались от него. Естественным следствием радикализации настроений в среде идеологов революционного движения и среди интеллигенции явилось образование первой в России последовательно террористической организации «Народная расправа» во главе С. Г. Нечаевым. Патриарх анархизма М. А. Бакунин поддержал молодого эмигранта, выдававшего себя за полномочного представителя могущественной русской подпольной организации. Бакунин ввел Нечаева в круги женевской эмиграции, помог найти финансовые источники и написать «Катехизис революционера» — документ, впоследствии ставший пусть не катехизисом, но универсальным «учебным пособием» для поколений экстремистов.

«Катехизис революционера» предлагал и конспиративную методику, и эффективную стратегию политических убийств: «Должно руководствоваться мерой пользы, которая должна произойти от смерти известного человека для революционного дела. Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, а также внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергичных людей, потрясти его силу» [5]. У С. Г. Нечаева отсутствовало понимание того, что казнить человека только из-за того, что он придерживается других взглядов, преступно. Нечаевым был даже составлен перечень лиц — первоочередных кандидатов на уничтожение. Нечаевская традиция на физическое истребление или терроризацию «особенно вредных» лиц, беспрекословное подчинение «низов» революционному начальству, оправдание любого аморализма, если он служит интересам революции, прослеживается на протяжении всей последующей истории русского революционного движения. Терроризм и заговорщичество стали его неотъемлемой частью, и нравственные основы, заложенные декабристами и А. И. Герценом, все больше размывались.

Истоки терроризма можно отнести еще к декабристам, среди которых впервые в российской истории зародилась идея цареубийства как средство сделать общество более совершенным. Однако после подавления декабристского восстания террористическая идея надолго сошла с политической арены России. Вновь вернувшись к жизни в 60-е гг. XIX в., она быстро стала приобретать все большее число сторонников. И это была уже не просто идея, а пусть только начинающая свое формирование, но уже идеология. В это время она еще не представляла собой некой стройной концепции. Убийство, как способ решения проблем, не появляется в благополучном обществе. Российская же действии-

тельность 1860-х гг. представляла собой клубок противоречий, выход из которого многие увидели в своевременно подкинутой идее — такова, пожалуй, главная причина того, что терроризм так быстро пустил свои корни в России. Условия, приводившие к возрождению террористических идей и к возобновлению террористической борьбы, оставались в России неизменными на протяжении четырех десятилетий после начала реформ 1860-х гг. К ним можно отнести разрыв между властью и обществом, незавершенность реформ, невозможность для образованных слоев реализовать свои политические притязания, репрессивную политику властей по отношению к радикалам и одновременно полное равнодушие и пассивность народа. Все эти противоречия толкали радикалов на путь терроризма. Все более возраставшее противостояние революционеров и власти, взаимный счет покушений и казней приводили к новым виткам кровавой спирали. Другим не менее важным источником терроризма была теория. Террористическая идея, возникнув под влиянием определенных общественных условий и чтения радикальной литературы, развивалась, приобретая все более логический и стройный вид. Она развивалась под влиянием революционной практики, но и сама оказывала на нее все большее воздействие. Немалое число молодых людей пришло в террор под влиянием чтения «подпольной» литературы или речей подсудимых на процессах террористов. Недаром правительство прекратило публикацию подробных отчетов о процессах, а впоследствии запрещало распространение им же опубликованных материалов [6]. Важную роль в генезисе идеологии российского терроризма сыграла полемика, которая развернулась к середине 1870-х гг. между наиболее влиятельными журналами русской эмиграции — «Вперед!» и «Набат». По сути, речь шла о выборе практических рекомендаций для действий революционеров.

В России шел процесс объединения многочисленных революционных кружков. Идея жестко организованной партии, обсуждавшаяся еще в 1860-е гг., была реализована в создании «Земли и воли». В программе «Земли и воли» террору отводилась ограниченная роль. Он рассматривался как средство самозащиты и дезорганизации правительственных структур, признавалось целесообразным «систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или иной ненавистный порядок» [7]. Ключевым в дальнейшей истории российского терроризма стал 1878 год, политически начавшийся выстрелом В. И. Засулич. Как отмечал С. М. Степняк-Кравчинский, «первые кровавые дела начались

за год или два до наступления настоящего террора — то были пока отдельные факты, без всякого серьезного политического значения» [8]. Процесс Засулич велся гласно, сочувствие общества было на стороне обвиняемой. Приговор суда присяжных показал, что режим быстро утрачивает популярность, потому общество, по сути, готово санкционировать любые действия «террористов-подпольщиков». Для большинства первых террористов главным было даже не истребление, физическое уничтожение объектов своих покушений. Главным было привлечь внимание общества, выразить протест. Однако вскоре убийство высокопоставленных чиновников в глазах многих революционеров начнет казаться единственно возможным способом борьбы с существующим строем.

Абсолютно закономерные с точки зрения государственного порядка и стабильности, вполне оправданные репрессии правительства против революционеров второй половины 1870-х гг. создали у них миф о страшном деспотизме, якобы царящем в России. В результате для большей части революционеров был невозможен какой-либо компромисс с самодержавной властью. В итоге непримиримая борьба с правительством, прежде всего террористическими средствами, стала основной формой деятельности революционеров в России. Таким образом, терроризм для многих стал видеться единственным выходом в ситуации, когда годы пропаганды не дали никакого результата. В сложившейся обстановке распад организации «Земля и воля» на «Народную волю» и «Черный передел» в августе 1879 г. явился совершенно закономерным результатом развития новых настроений в революционной среде. Огромную роль в последующем развитии терроризма и росте его воздействия на российскую действительность сыграла «Народная воля». Террор никогда не занимал главного места ни в программных документах, ни — за исключением отдельных периодов — в деятельности партии. И все же в историю «Народная воля» вошла благодаря серии покушений на императора, завершившихся цареубийством 1 марта 1881 г., прежде всего как террористическая организация. Все последующие террористические организации в России отталкивались от народовольческого опыта [9].

Важнейшими программными документами «Народной воли», дающими представление о месте и роли терроризма в деятельности этой организации, являются: Программа Исполнительного комитета (сентябрь—декабрь 1879 г.) и инструкция «Подготовительная работа партии» (весна 1880 г.), которые, наряду с другими средствами, включали деятельность разрушительную, террористическую. Смысл террора партия

видела в «непрерывном доказательстве возможности борьбы против правительства», возможности посредством его «поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы» [10]. «Народная воля» рассматривала террор как непосредственный рычаг захвата власти, что принципиально отличает программу народовольцев от «Земли и воли», где террор рассматривался как орудие самозащиты и мести. Теперь террористы собирались не защищаться против царизма, а сами перейти в наступление.

Последующая разработка террористической идеи непосредственным образом связана с деятельностью эсеров, которые считали себя наследниками и продолжателями дела «Народной воли». В. И. Ленин в целом положительно оценивал опыт «Народной воли», делая оговорку на то, что террор должен был быть лишь одним из средств борьбы, а не главным оружием в руках революционеров. Он осуждал возрождение эсерами терроризма и полагал, что «русский террор был и остается специфическим интеллигентским способом борьбы». Ленин писал: «К 1905 г. прошли те времена, когда за неимением революционного народа революцию делали одиночки-террористы. Бомба перестала быть оружием одиночки-бомбиста. Она становится необходимой принадлежностью народного вооружения» [11]. Таким образом, в новых условиях применение индивидуального террора виделось Ленину нецелесообразным.

Для осуществления террористических акций эсерами была организована специальная Боевая организация при ЦК партии. По размаху и последовательности своих террористических действий эсеры не имели себе равных. С 1900 по 1910 г. ими было совершено 23 000 террористических актов, в результате которых было убито или ранено 17 000 человек. Каждый день в 1907 г. в среднем совершалось 18 политических убийств [12].

Единая партия социалистов-революционеров образовалась в конце 1901 — начале 1902 г. в результате объединения «южных» и «северных» социалистов-революционеров, к которым тогда же или несколько позже примкнули «Группа старых народовольцев», «Аграрно-социалистическая лига» и другие заграничные группы, а также «Рабочая партия политического освобождения России». Впервые со времен «Народной воли» возникла всероссийская революционная организация, сумевшая не только объявить террор одним из средств революционной борьбы, но и развернуть его в масштабах, далеко превзошедших народовольческие. Эсеры начали террористическую борьбу до официального опре-

деления ее задач и места в партийной деятельности. Положение дел резко изменилось после событий 2 апреля 1902 г., когда член Боевой организации С. В. Балмашев застрелил министра внутренних дел Д. С. Сипягина. После этого в центральном партийном органе появилась статья «Террористический элемент

в нашей программе». Статью написал В. М. Чернов при участии главы Боевой организации Г. А. Гершуни. В статье констатировалось, что террористические действия оказывались не то что просто «нужными» и «целесообразными», а «необходимыми и неизбежными». Террористические акты Чернов считал необходимыми как средство защиты, как орудие необходимой самообороны. Другое значение террористических актов — агитационное: они «будоражат всех, будят самых сонных, самых индифферентных обывателей... заставляют людей задумываться над многими вещами, о которых раньше им ничего не приходило в голову — словом, заставляют их политически мыслить хотя бы против их воли». Чернов пришел к таким же выводам, как и в свое время народники — террористический акт способен изменить взгляды людей вернее, чем месяцы пропаганды [13].

Эсеры, подняв террористическую идею на небывалую высоту, разработали программу, в которой четко очертили место и задачи террора в революционной борьбе. До какого-то времени их действия имели успех, террористов даже стали считать героями. Огромную роль в этом сыграла революция 1905—1907 гг. Но в конце концов наступил логический финал — эсеров постигла та же участь, что и народников — они тоже «затерроризировались». Дальнейшее продолжение террора привело к моральной деградации террористов, являвшихся сторонниками изначально безнравственной идеологии. Попытки реализовать террористические идеи в России очередной раз показали, что стремление изменить мир с помощью насилия неизбежно приводит в тупик, что противоречия могут быть сняты в ходе только продуктивного сотрудничества. Анализ генезиса терроризма приводит к выводу о том, что в основе возникновения терроризма всегда лежит противоречие, столкновение интересов, конфликт в социальной и политической сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чекалкин, В. И.* Терроризм в России: реальность и перспективы / В. И. Чекалкин // Политическая теория: тенденции и проблемы. М., 1994. С. 205; *Малкин, К. М.* Левый терроризм на Западе: история и современность / К. М. Малкин, Л. В. Носова. М., 1989. С. 135—136.

2. Утопический социализм в России: хрестоматия. М., 1985. С. 331, 333—334.
3. Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 120.
4. *Огарев, Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведения: в 2 т. / Н. П. Огарев. М., 1956. Т. 2. С. 212, 219, 291.
5. Нечаев и нечаевцы. «Катехизис революционера»: сб. материалов. М.; Л., 1931. С. 21—22.
6. *Троицкий, Н. А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма / Н. А. Троицкий. М., 1978. С. 109.
7. Революционное народничество 70-х гг. XIX в.: сб. документов и материалов: в 2 т. М.; Л., 1965. Т. 2. С. 30.
8. *Степняк-Кравчинский, С. М.* Подпольная Россия / С. М. Степняк-Кравчинский. М., 1960. С. 39.
9. *Тихомиров, Л.* Начала и концы: «Либералы и террористы» / Л. Тихомиров. М., 1890. С. 88—91; *Будницкий, О. В.* Терроризм в российском освободительном движении / О. В. Будницкий. М., 2000. С. 52.
10. Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 51.
11. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. М., 1979. Т. 9. С. 130; Т. 11. С. 269.
12. Террор и культура в русской исторической перспективе: материалы круглого стола. М., 1997. С. 155.
13. Партия социалистов-революционеров: документы и материалы (1900—1907). М., 1996. С. 68—69, 78—80.